

РАЗНОЕ: СООБЩЕНИЯ, РЕЦЕНЗИИ, ЭССЕ
MISCELLANEOUS: MESSAGES, DISCUSSIONS, REVIEWS

УДК 111; 165

DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-2-0-10

Харченко В. К. | Н. Н. Страхов как критик: уроки сегодняшнего дня

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; *wera_kharchenko@mail.ru*

Аннотация. В статье раскрывается суть феномена Н.Н. Стрхова как критика, а именно уникальная широта охвата материала в сочетании с углубленностью анализа, доброжелательное отношение к литераторам и высокая степень ответственности перед русской национальной литературой. Демонстрируются эти черты на примерах из работ Н.Н. Стрхова, мало привлекаемых в обычном цитировании. Проводится мысль, что качества критика были обусловлены тем, что Н.Н. Стрхов был не только выдающимся критиком, но и выдающимся философом. Его отношение к человеку, эмпирике, к смерти, поэзии – ко всему, что им изучалось, было поистине философским, что хорошо заметно на материале различных статей Н.Н. Стрхова. Проводятся аналогии с современной критической литературой, подчеркивается ее философский посыл, однако говорится об отсутствии обобщающих работ уровня Стрхова.

Ключевые слова: Н.Н. Стрхов; современная литературная критика; критические статьи Н.Н. Стрхова; философия Н.Н. Стрхова

Для цитирования: Харченко В. К. Н. Н. Стрхов как критик: уроки сегодняшнего дня // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2022. Т. 8. № 2. С. 138-148. DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-2-0-10

V. K. Kharchenko | Nikolay Strakhov as a critic: today's lessons

Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russia;
wera_kharchenko@mail.ru

Abstract: The article reveals the essence of the phenomenon of Nikolay Strakhov as a critic, namely, the unique breadth of coverage of the material combined with the depth of analysis, a benevolent attitude towards writers and a high degree of responsibility towards Russian national literature. This is demonstrated using examples from the works of Nikolay Strakhov, little involved in the usual citation. It is thought that the qualities of the critic were due to the fact that Nikolay Strakhov was not only an outstanding critic, but also an outstanding philosopher. His attitude to man, empiricism, death, poetry – to everything that he studied, was truly philosophical. This is shown on the materials of various articles by N. Strakhov. Analogies are made with

contemporary critical literature, emphasizing its philosophical message, but it is said that there are no generalizing works of Strakhov's level.

Key words: Nikolay Strakhov; modern literary criticism; critical articles by N.N. Strakhov; N.N. Strakhov's philosophy

For citation: Kharchenko V. K. (2022), "Nikolay Strakhov as a critic: today's lessons", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 8 (2), 138-148, DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-2-0-10

Литература всегда оказывается на острие проблем и интересов общества, и именно в литературоведении нередко раздавались и сейчас раздаются алармистские голоса. Нет книг, отвечающих запросам времени, падает интерес к чтению, толстые журналы уже не выполняют своей функции, критика исчезла, а ситуация с пандемией усилила эти печальные факты и неутешительные прогнозы. Однако задумаемся всего над одним фактом: критика действительно исчезла или здесь есть некая недоработка нашей гуманитаристики в целом? И сразу же ответим: нет, не исчезла критика, однако и сейчас, как и ранее, желательно усиливать ее телеологический, пассионарный потенциал, видеть в ней примеры великих критиков прошлого и, в частности, Николая Николаевича Страхова.

Как образец для подражания Н.Н. Страхов смотрится ли? И да, и нет. Точнее, и нет, и да. Нет, поскольку это был человек весьма сдержанный, стремившийся к равновесию, не претендующий на всеобщее внимание и почитание. Да – поскольку его деятельность до сих пор востребована, оставляет впечатление, будто его работы написаны под сегодняшний, столь неуловимый и противоречивый день.

Остановимся на двух моментах в критической деятельности Н.Н. Страхова. Их сейчас остро недостает, и их можно положить в основу подражания Страхову.

Первое – это широта подхода к материалу, широкий охват того, что составляет настоящее чудо русской литературы, в сочетании с углубленностью анализа. А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, И.С. Тургенев,

Л.Н. Толстой, Н.А. Некрасов, Ф.М. Достоевский... И здесь же Н.Я. Данилевский, Ап. Григорьев. За всеми происходящими в русской словесности процессами нужно было следить и, наблюдая, поощрять успехи литературы. Такой, можно сказать, глобальный подход соответствовал самой идее русской литературы. «На литературоведении лежит большая и ответственная задача – воспитывать “умственную восприимчивость”. Вот почему сосредоточенность литературоведов на немногих объектах и вопросах изучения, на одной и той же эпохе или на немногих проблемах противоречит основному общественному смыслу существования нашей дисциплины. <...> В литературоведении нужны разные темы и большие “расстояния” именно потому, что оно борется с этими расстояниями, стремится уничтожить преграды между людьми, народами и веками. Литературоведение воспитывает человеческую социальность – в самом благородном и глубоком смысле этого слова» (Лихачёв, 1974: 8).

Умственная восприимчивость и человеческая социальность воспитываются не сразу, не вдруг, и здесь внимательное отношение критиков литературы чрезвычайно важно. Существует ли в наше время такая широта взгляда? Примеров почти нет, но в качестве одного из немногих можно привести позицию А. Немзера, который регулярно пишет в «Литературной газете» критические обзоры на художественные публикации своих коллег, и каждую неделю мы ждем этих обзоров.

Глобальность, широта охвата забирает время критика, но дарует ему, критику,

полновесный взгляд, доверие читателя и талант чуткости. Эта широта подхода у Н.Н. Страхова сочетается с углубленностью анализа. Внимательнейшее отношение к эмпирическому материалу позволило Н.Н. Страхову ранее других оценить гениальное произведение в русской литературе, мы имеем в виду известный роман Л.Н. Толстого «Война и мир». «Какая громада и какая стройность! Тысячи лиц, тысячи сцен, всевозможные сферы государственной и частной жизни, история, война, все ужасы, какие есть на земле, все страсти, все моменты человеческой жизни, от крика новорожденного ребенка до последней вспышки чувства умирающего старика, все радости и горести, доступные человеку, всевозможные душевные настроения, от ощущения вора, укравшего червонцы у своего товарища, до высочайших движений героизма и дум внутреннего просветления – все это есть в этой картине... «Война и мир» произведение гениальное» (цит. по: Басинский, 2015: 14). Это мнение высказывалось задолго (подчеркнем это!) до общего признания романа как гениального произведения. Эта мысль – свидетельство той неуловимой работы сознания, которая характеризовала Н.Н. Страхова и была следствием его широкого и вместе с тем углубленного взгляда на литературу. Уловить гениальность Льва Толстого, написавшего роман-эпопею, увидеть в этом романе черты великого произведения – это значит быть на острие проблем.

Казалось бы, это очевидно, однако для Н.Н. Страхова защищать великие произведения с молодости было делом важным и почетным, несмотря на всевозможные оспаривания образцов. Касается это, например, «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина. Приведем самый конец статьи Н.Н. Страхова: «Что скажем в заключение? Заговорим ли об “Истории государства Российского”? Но величие предмета изумляет меня и внушает мне дерзость безмолвия. Ужели и это дело, эта пирамида, воздвигнутая египетским трудом несравненного таланта, нуждается в

какой-либо защите? Ужели нельзя отвечать одним презрением на все выходки, нельзя просто сказать, что ничто так разительно не обнаруживает скудости умственной и сердечной, как сомнение в пользе и величии “Истории государства Российского”?»

Бессмертное, непостижимое дело! Нужна была гениальная прозорливость, чтобы угадать важность и силу государственного характера нашей истории; нужен был ум, бесконечно ясный и чуткий, чтобы понять, что точка зрения нравственная и художественная, то есть вековая точка зрения, одна могла быть твердою опорой для создания нашей истории, что всякая иная точка зрения неминуемо увлекла бы историка во взгляды ложные и поверхностные. Но что я говорю? Столь высоких даров не нужно было, или правильнее – нужно было сверх этих даров нечто большее, – нужна была простота и чистота младенца, посрамляющая, как мы знаем, мудрость мудрых и разум разумных!» (Страхов, 2006: 397).

Говорится, что хорошо оценить книгу может человек, способный написать такую же. Показательно, что Н.Н. Страхов не только анализирует то или иное произведение как один из многочисленных критиков, но нередко и становится на точку зрения читателей этого произведения, подчеркивая его невидимую пока еще актуальность. Покажем это на примере романа И.С. Тургенева «Отцы и дети»: «Если роман Тургенева повергает читателей в недоумение, то это происходит по очень простой причине: он приводит к сознанию то, что еще не было сознаваемо, и открывает то, что еще не было замечено. Главный герой романа есть Базаров; он и составляет теперь яблоко раздора. Базаров есть лицо новое, которого резкие черты мы увидели в первый раз; понятно, что мы задумываемся над ним. Если бы автор вывел нам опять помещиков прежнего времени или другие лица, давно уже нам знакомые, то, конечно, он не подал бы нам никакого повода к изумлению, и все бы дивились разве

только верности и мастерству его изображения. Но в настоящем случае дело имеет другой вид. Постоянно слышатся даже вопросы: да где же существуют Базаровы? Кто видел Базаровых? Кто из нас Базаров? Наконец, есть ли действительно такие люди, как Базаров?» (Страхов, 1862).

Этот двойной взгляд Н.Н. Стрхова с позиций критического анализа и с позиций читателя произведения создавал платформу для соединения широты охвата материала и глубины его анализа, а в основе всего этого лежала уникальная начитанность Н.Н. Стрхова. Приведем в качестве примера следующий отрывок: *«Рюккерта же не сам я открыл. Его замечательная книга о всемирной истории вообще мало читается, и у нас, можно сказать, вовсе неизвестна. О ее достоинствах я узнал лет двадцать тому назад, от давно уже покойного Мстислава Викторовича Прахова, отличного филолога, большого любителя и ценителя книг (М.В. Прахов ничем не известен в литературе, если не считать нескольких переводных стихотворений; но он оставил по себе прекраснейшую память у всех, кто знал его, – своей чистой и любящей душой, глубиной научного понимания и тонкостью эстетического вкуса. Он же мне указал тогда на первую книгу Ницше, который теперь так знаменит). Он мне указал на нее, как на книгу, единственную в своем роде, именно содержащую в большой полноте не факты, а одни общие взгляды на все области и периоды истории. Потом я слышал, что А.И. Георгиевский, когда был профессором в Одессе, в начале шестидесятых годов, в основание своего курса средней и новой истории полагал Рюккерта. Эта книга, которую немцы причисляют к ценным достояниям своей литературы, признается ими особенно пригодной именно для руководства при преподавании, для того, чтобы, изучая факты, не терять из виду общих точек зрения, с которых открывается смысл фактов. И сам Рюккерт дал ей название учебной книги, Lehrbuch, хотя она вовсе не похожа на обыкновенные учебники* (Страхов, 2010: 482-483). Показательно, что

Н.Н. Страхов отрицает принадлежность книги только к учебной литературе, подчеркивая ее значимость, прежде всего, для понимания истории.

У нас сейчас немало обзорных книг, например: биобиблиографический словарь в двух объемистых частях «Русские писатели: XX век» (Русские писатели..., 1998); «Барды» Льва Аннинского (Аннинский, 2005); «Простодушное чтение» Сергея Костырко (Костырко, 2010); «Сто поэтов начала столетия» Д.П. Бака (Бак, 2015). Интересные статьи находим у Ю. Щербининой: «Литературные Моцарты и Робертино» (Щербинина, 2013а), «Писательский стол как гинекологическое кресло. Литература в зеркале перинатальной метафоры» (Щербинина, 2013b). Что бы ни писал К.Г. Фрумкин, мы будем читать этого ученого – настолько все, написанное им, ново и интересно, например: «Трудности перехода. Размышления в связи со столетием 1913 года» (Фрумкин, 2013). На столе у нас всегда открыт М.Н. Эпштейн. Здесь тоже просматриваются глубины анализа литературы, например, в статье «Проективная теория в естественных и гуманитарных науках» (Эпштейн, 2021). О проблемах фантастики читаем в статье В.А. Ковалева «Новации в отечественной политике и попытки их освоения силами отечественной фантастики» (Ковалев, 2008). Итак, даже небольшой обзор позволяет выделить ряд выдающихся критиков литературы сегодняшнего дня. Это Сергей Костырко и Павел Басинский, Ольга Балла и Михаил Эпштейн, Константин Фрумкин и Николай Скатов. Но у нас нет фигуры, равной Н.Н. Стрхову, нет человека, чутко и глубоко анализирующего постоянно пополняющуюся литературу сегодняшнего дня. Выступая на конференции в Швейцарии, нобелевский лауреат биолог Гюнтер Блобель, вслед за Микеланджело Буонарроти, отметил: «Для многих из нас опасность состоит не в том, чтобы не достичь очень высокой цели, а в том, чтобы поставить мелкую цель и ее достичь» (цит. по: Скулачев, 2009: 39).

Отечественная литература требует большего расклада, и зияющая пустота в этом вопросе на сегодняшний день оставляет желать лучшего.

Почему нет обобщающих работ? Мы дадим ответ, но сначала остановимся еще на одном качестве Н.Н. Страхова.

Второе его ценное качество – это быть рядом с писателями, способствовать их росту, доброжелательно относиться к их подчас экспериментальным попыткам писать по-своему, не как все. Именно широта охвата материала давала возможность уловить поначалу неуловимое начало, даровала доброжелательность к людям, стоящим с открытым сердцем перед современностью, то есть к писателям. Сейчас, сегодня, в первой четверти XXI века наблюдается иллюзия контакта. «Авторам все реже пишут отзывы в гостевые книги, все меньше задают интересных вопросов, все реже приглашают к разговору. Творческие вечера собирают все более скудную аудиторию. Кажется, что все уже выложено в Сетях и все отсюда можно добыть» (Щербина, 2015: 171). Поразительно, но Страхов был хорошо знаком и с Л.Н. Толстым, и с Ф.М. Достоевским, хотя эти писатели между собой не общались.

«Да половина моих взглядов – ваши взгляды!» – говорил Достоевский Н.Н. Страхову в начале 60-х годов. Интенсивный обмен мнениями по самым животрепещущим вопросам между Толстым и Страховым длился двадцать пять лет. «Только часть писем вошла во внушительный по объему том их переписки, изданный еще до Первой мировой войны», – подчеркивает исследователь критического творчества Н.Н. Страхова У. Гуральник (Гуральник, 1972: 138).

А вот оценка другого романа, «Анны Карениной»: «Вы не моралист, Вы истинный художник; но нравственное мирозерцание всегда отзывается в художественных произведениях, и я с изумлением и радостью вникаю в Ваши образы, следя за этим мирозерцанием... Отвлеченные,

нравственные правила всегда узки и одно-сторонни, и в Ваших созданиях выражается гораздо больше, чем кто-нибудь (даже Вы сами) может формулировать отвлеченным языком» (Переписка Л. Толстого с Н.Н. Страховым, 1913: 69).

Прочитываем самый конец статьи, чтобы еще раз убедиться в объективности взгляда Страхова на недопустимость обозначения «дымом» всего русского: «Эти два ветра не случайны, как видит читатель. Существование именно их, а не каких других ветров, всего лучше показывает, что не дым все русское, что не каприз случая вертит нами. Напротив, кто живет среди борьбы этих направлений, для кого она составляет насущную задачу, радость и горе, для того должны показаться дымом слова и рассуждения, отрицающие серьезность нашей жизни» (Страхов, 1885: 86).

Показательно и отношение Н.Н. Страхова к человеку. «Но о человеке должно судить не потому, что он есть в данную минуту, а потому, чем он был и чем он может быть. Кстати заметить здесь, что взгляд, подобный лакейскому, встречается часто в суждениях о требованиях искусства. ... Человек не бывает всем самим собою каждую минуту; но есть минуты, когда он бывает тем, чем только может быть в другое время, и на такие минуты должно быть обращено все внимание художника. Иначе – его произведение будет величайшею ложью на действительность» (Страхов, 1872: 160). Эта доброжелательность у Н.Н. Страхова сочеталась с великой ответственностью перед русской литературой, требовавшей к себе постоянного, причем профессионального внимания.

«Он говорил, например, что мы гораздо богаче крупными талантами, чем второстепенными, которые могли бы, по видимому, являться чаще первых, что у нас много является писателей, подающих надежды, но редко эти надежды сбываются, что самые большие наши деятели, по какой-то таинственной судьбе, рано

умирают, чему доказательство – Грибоедов, Пушкин, Лермонтов, Гоголь, что, наконец, наша литература развивается необыкновенно быстро, что в какие-нибудь десять лет вкусы и требования читателей успевают совершенно измениться. Все это совершенно верно, и каждая из этих черт имеет глубокий смысл, представляет указание на существенные особенности нашего литературного развития. Ясно, что это развитие имеет некоторый судорожный, неправильный, как бы чем-то подавленный и, однако, неудержимо рвущийся ход; это литература, почему-то не могущая ни на чем остановиться, не дающая зреть своим талантам, не успевающая крепнуть и развиваться в определенных формах. Только сильные таланты, крепкие сами собою, успевают делать свое дело в такой литературе; мелкие она сбивает с толку, ибо не дает образоваться никакой рутине и быстро доходит до конца всякой раз проторенной дороги» (Страхов, 1984: 51).

«Известна затем история с Гоголем. Даже малосведущим в нашей словесности, конечно, памятливы упреки, которые делались Гоголю за сальность его изображений, за то, что в его произведениях нет лиц добродетельных и светлых, а один только подлецы и дураки. Но тут сила того таинственного процесса, который порождает у нас произведения, по-видимому, недостойные великой литературы, обнаружилась гораздо яснее. Известно, что Гоголь сам пытался покинуть ту низменную сферу явлений, которая выпала на долю его таланта, пытался подняться в более высокие области и изобразить нам людей добродетельных и светлых, представителей “несметного богатства русского духа”. Попытка эта должна была совершиться во второй части “Мертвых душ”. Известно далее, что Гоголь не совладал с этою попыткою и умер в то самое время, когда она лежала на его душе, так что неудача в его усилиях в той или другой степени, очевидно, содействовала его смерти» (Страхов, 1984: 54)

«Таковы три самые крупные произведения нашей литературы за последнее время. В каждом из них есть по самоубийству и вообще много отчаяния; каждое из них изображает нравственный хаос, жестокое колебание человеческой совести; два последние – Анна Каренина и Братья Карамазовы указывают на религию, как на выход из хаоса и отчаяния» (Страхов, 1984: 406).

Когда мы говорим о связи критика и философа в одном лице, то на ум приходит, конечно же, Н.Н. Страхов.

Н.Н. Страхов стал выдающимся критиком, потому что был... выдающимся философом (Харченко, 2021а: 204-216). Н.Н. Страхов призывал избегать крайностей через создание философии, равно обеспечивающей смыслом и толерантной, терпимой к жизни. «Жизнь, как оказывается, совсем не то, что мысль. Она заключает в себе что-то крепкое, тяжелое, глубокое, нечто более едкое и жгучее, чем бесплотные и тихие движения нашей мысли. Жизнь не дает собой распоряжаться, и в этом случае она права, потому что сила на ее стороне» (Страхов, 1890: 100). Н.Н. Страхов ищет взгляда на мир, «который позволил бы нам жить на нашей прекрасной планете, не слишком торопясь к геологическому перевороту и не слишком убиваясь о заблуждениях человечества», который «давал бы надлежащую меру и нашей вражде, и нашей печали, давал бы хотя некоторый смысл той кутерьме, которую мы видим вокруг себя» (Страхов, 1861: 55).

Вот характерный пассаж из статьи философа и критика Н.Н. Страхова: «Сколько было писано, например, по польскому вопросу! Казалось, все стороны его были взвешены и разобраны. А между тем, едва ли сделались ходячими и прочно утвердились в наших умах те черты его, в силу которых видно, что польское дело решено историею в нашу пользу вследствие нашего нравственного превосходства над поляками, а не вследствие одного перевеса внешней силы. Еще недавно, на славянском

съезде, каким ярким и неожиданно-решительным показался простой аргумент князя Черкасского: пусть поляки в Галиции сделают для крестьян то, что русские сделали для польских крестьян в Польше! <...> Итак, первая наша бедность есть бедность сознания нашей духовной жизни. Мы одинаково не знаем ни ее дурных, ни ее хороших сторон и осуждаем ее огулом, без разбора. Драгоценнейшие черты этой жизни, прекраснейшие ее зачатки для нас неясны и потому все равно что не существуют» (Страхов, 1984).

Спросим себя: это литературоведческий или более общий, философский пассаж? *Бедность сознания, нравственное превосходство...* Именно философия сделала Страхова выдающимся критиком, именно благодаря философии в суждениях Страхова оживали великие тайные смыслы. И такое отношение Страхова к литературе заслуживает всяческого уважения и признания. В подтверждение этому приведем следующие слова.

«Нельзя даровать того, чего не существует; очевидно, само общество, сам народ должны создать свою серьезную науку, твердое и ясное направление своего просвещения. Так Ломоносов, Державин и т. д. создали русскую художественную литературу не в силу правительственных программ и указаний, а по внушению своего гения» (Страхов, 1885: 419).

И сейчас, анализируя статьи Ольги Балла, Михаила Эпштейна, Константина Фрумкина, мы отдаем себе отчет, что здесь лежит в основе серьезный философский посыл, обеспечивающий большой эффект этих статей. Вообще осознание автора как литературоведа и философа, критика и философа, эстетика и философа требует личного отношения к реальной, действенной философии, без чего не может быть полноценного отражения жизни. Творчество свободно, и мы не вправе призывать уважаемых авторов писать обобщающие книги, однако в то же время мы не можем не осознавать, что без таких книг недостает чего-

то весьма важного в осмыслении сегодняшней литературы, вбирающей в себя имена Татьяны Толстой, Евгения Водолазкина, Людмилы Улицкой, Дины Рубиной, Гузели Яхиной и многих других авторов.

Времена Страхова – это были времена весьма суровые: забраковывали Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Кольцова. Словом, *«вся ваша литература устарела, отстала, не содержит ничего годного и полезного для настоящей минуты, и современный русский человек имеет право наслаждаться только одними стихотворениями г. Минаева и романами г. Решетникова»*, – цитирует Н.Н. Страхов своих оппонентов (Страхов, 1885: 301). *«Отсюда, как необходимое следствие – неверие во все то, где действуют таинственные силы, более широкие и глубокие, чем разум с его бедными логическими доводами (слова Л.Н. Толстого), – неверие в жизнь, которую они готовы были ломать и перестраивать по своим понятиям, – неверие в народное творчество, в литературу, в искусство, в национальность» (Страхов, 1885: 300-301).* Приведем здесь и отношение к поэзии: *«Правильно судить о словесном художестве есть дело трудное; многим и многим вовсе недостает способностей, которые для этого требуются. Но это не значит еще, что область поэзии есть нечто неопределенное, что в суждениях об ней простительна всякая произвольность и разноречивость» (Страхов, 1888: XIII).*

Нам приходилось писать о феномене смерти в трактовке Н.Н. Страхова (Харченко, 2021b), однако эта трактовка распространяется и на художественные тексты, например, на поэму А. Голенищева-Кутузова «Дед простил». *«В поэме “Дед простил” самая история рассказана не в столь конкретных и ясных чертах, как в “рассвете”; но развязка – превосходна. Это – “Дед простил!” – невольно напоминает русскую поговорку о скончавшихся: “Бог его уже простил”; смысл этой смерти есть настоящее, радостное освобождение от земного ига, не простой выход, не наказание, а именно прощение. Мы*

остановились на той черте музы нашего поэта, которая показалась нам ясною и выдающеюся; да и предмет, о котором шла речь, показался нам достойным внимания читателей. Ибо смерть имеет свою важность даже по сравнению с внешнею и внутреннею политикою. Размышлениям о смерти издавна приписывается особая сила; они ведут нас в высокие области» (Страхов, 1888: 247).

Говоря о современной критике, мы не можем обойти стороной вопроса родного русского языка, на что требуется обратить самое серьезное внимание. У нас есть блестящие с точки зрения языка авторы: Евгений Носов, Борис Екимов, Лариса Шульц, и внимание к языку именно сейчас, в эпоху падения престижа русского языка, чрезвычайно важно. И критики могут сказать здесь свое слово. Как в смысле однозначного (да-да!) отвержения инвектократии, так и в смысле признания некоторых малоизвестных публикаций: например, статья Ю.В. Щербининой «Оскорбительная критика: опыт отражения» (Щербинина, 2013с) (текст этой статьи включает нецензурные слова, что недопустимо!); или роман «Поленька» Анатолия Санжаровского, написанный прекрасным русским языком (Санжаровский, 2016).

Критика не бывает безликой. В ней немало пафоса, и часто этот пафос вызван горькими размышлениями, как в следующем фрагменте: *«Очевидно, мы переживаем некоторый внутренний перелом, имеющий, судя по указанным чертам, величайшую важность и глубину. Беспокойное чувство этого нравственного переворота смутно отзывается в душах. Но до сознания, до настоящего понимания далеко; для господствующих понятий и вкусов, для того, что нынче называется образованием и просвещением, разумение дела трудно, почти недоступно; и ветреное племя, как выразился Гоголь, еще не содрогается...»* (Страхов, 1885: 457). Однако критик намечал и пути необходимого переворота в сознании. В своих «Заметках о текущей лите-

ратуре» Н.Н. Страхов писал: *«Таким образом мы потеряли чувство свободного, искреннего, прямого отношения к предметам. Тяжелая историческая задача налегла на нас своим гнетом и исказила наши умы. Работать против этого искажения есть одна из высоких задач, предлагающих литературе, а между тем литература, раз сбившись с дороги, сама усиливает зло, сама усиливает и укрепляет направление, ее же убивающее. Учение, никогда не достигающее своей цели – зрелой мысли, и неверие, никогда не могущее перейти в веру, – вот наша доля, вот настроение, вследствие которого мы так бесплодны, так бессильны в мышлении и творчестве. Повторяем: нужно выбиться из этой колеи, нужно постараться возвыситься над обстоятельствами, которые нас в нее толкают; нужно сознать свое положение и постепенно воспитывать в себе дух независимости, дух умственной свободы»* (Страхов, 1873).

Позиция настоящего, действенного философа весьма способствовала таким прогнозам.

Широта охвата и углубленность анализа, доброжелательное отношение к писателям и великая ответственность перед русской литературой – все это делает фигуру критика Н.Н. Страхова уникальной и престижной. Быть одновременно выдающимся философом и выдающимся литературоведом – на это наталкивало развитие русской литературы, оснащенной замечательными именами, но требующей к себе и тогда, и сегодня профессионально значимого, теоретически высокого отношения.

Литература

Аннинский, Л. Барды. 2-е изд. Иркутск: Издатель Сапронов, 2005. 384 с.

Бак, Д.П. Сто поэтов начала столетия: Пособие по современной русской поэзии. М.: Время, 2015. 576 с.

Басинский, П. Лев в тени Льва. История любви и ненависти. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. 509 с.

Гуральник, У. Н. Н. Страхов – литературный критик // Вопросы литературы. 1972. № 7. С. 137-164.

Ковалев, В.А. Новации в отечественной политике и попытки их освоения силами отечественной фантастики // ПОЛИС. Политические исследования. 2008. № 3. С. 166-173.

Костырко, С. Простодушное чтение. М.: Время, 2010. 368 с.

Лихачёв, Д.С. Об общественной ответственности литературоведения // Контекст: Литературно-теоретические исследования: Сборник. М.: Наука, 1974. С. 6-10.

Переписка Л. Толстого с Н.Н. Страховым / предисл. и примеч. Б. Модзалевского. СПб.: Типография Б.М. Вольфа, 1913. 458 с.

Русские писатели: XX век: Биобиблиографический словарь: В 2 ч. / под ред. Н.Н. Скатова. М.: Просвещение, 1998. Ч. 1. А–Л. 783 с. Ч. 2. М–Я. 656 с.

Санжаровский, А. Поленька // Подъем. 2016. № 8. С. 20-109.

Скулачев, В. В поисках фонтана молодости // Знание – сила. 2009. № 12. С. 35-39.

Страхов, Н.Н. Бедность нашей литературы // Страхов, Н.Н. Литературная критика. М.: Современник, 1984. С. 44-95. То же [Электронный ресурс] URL: http://az.lib.ru/s/strahow_n_n/text_0070.shtml (дата обращения: 10.03.2022).

Страхов, Н.Н. Вздох на гробе Карамзина (Письмо в редакцию «Зари») // Н.М. Карамзин: про et contra: личность и творчество Н.М. Карамзина в оценке русских писателей, исследователей: антология. СПб.: Изд-во Русской Христианской гуманитарной академии, 2006. С. 377-400.

Страхов, Н.Н. Заметки о Пушкине и других поэтах. СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1888. I-XVII, 281 с.

Страхов, Н.Н. Заметки о текущей литературе, 1873 [Электронный ресурс]. URL: <http://smalt.karelia.ru/~filolog/grazh/1873/21mayN21.htm> (дата обращения: 10.03.2022).

Страхов, Н.Н. Из истории литературного нигилизма (1861–1865). СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1890. XII, 596 с.

Страхов, Н.Н. И. С. Тургенев. Отцы и дети, 1862 [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/s/strahow_n_n/text_0050.shtml (дата обращения 14.03.2022).

Страхов, Н.Н. Исторические взгляды г. Рюккерта и Н.Я. Данилевского // Страхов

Н.Н. Борьба с Западом. М.: Институт русской цивилизации, 2010. С. 480-512.

Страхов, Н.Н. Критические статьи об И.С. Тургеневе и Л.Н. Толстом. СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1885. 484 с.

Страхов, Н.Н. Мир как целое. Черты из науки о природе. СПб.: Тип. К. Замысловского, 1872. 505 с.

Страхов, Н.Н. Содержание жизни // Светоч. 1861. № 1. Отд. II. С. 37-58.

Фрумкин, К.Г. Трудности перехода. Размышления в связи со столетием 1913 года // Знамя. 2013. № 9. С.180-188.

Харченко, В.К. Гносеологическая культура нации в свете идей Н.Н. Страхова // Нева. 2021. № 4. С. 204-216. (а)

Харченко, В.К. Н.Н. Страхов о феномене смерти // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2021. Т. 7. № 1. С. 78-85. (b)

Щербинина, Ю. Десять мифов о пиратстве // Октябрь. 2015. № 6. С. 162-174.

Щербинина, Ю. Литературные Моцарты и Робертино // Нева. 2013. № 6. С. 201-213. (а)

Щербинина, Ю. Писательский стол как гинекологическое кресло. Литература в зеркале перинатальной метафоры // Нева. 2013. № 12. С. 193-203. (b)

Щербинина, Ю.В. Оскорбительная критика: опыт отражения // Нева. 2013. № 1. С. 159-172. (c)

Эпштейн, М.Н. Проективная теория в естественных и гуманитарных науках // Знание – сила. 2021. № 4. С. 55-62.

References

Anninsky, L. (2005), *Bardy*. [Bards], 2nd edition, Publisher Saproinov, Irkutsk, Russia (in Russ.).

Bak, D. P. (2015), *Sto poetov nachala stoletija: Posobie po sovremennoj russkoj poezii* [One Hundred poets of the beginning of the century: A Handbook on Modern Russian poetry], Vremya, Moscow, Russia (in Russ.).

Basinsky, P. (2015), *Lev v teni L'va. Istorija lyubvi i nenavisti* [Lev in the shadow of Leo. A story of love and hate], AST, Moscow, Russia (in Russ.).

Frumkin, K. G. (2013), “Difficulties of transition. Reflections on the Centennial of 1913”, *Znamya*, 9, 180-188 (in Russ.).

Guralnik, U. (1972), “N. N. Strakhov – literary critic”, *Voprosy literatury* [Questions of literature], 7, 137-164 (in Russ.).

Epshtein, M. N. (2021), “Projective theory in natural sciences and humanities”, *Znanie – sila* [Knowledge is power], 4, 55-62 (in Russ.).

Kharchenko, V. K. (2021a), “The epistemological culture of the nation in the light of the ideas of N. N. Strakhov”, *Neva*, 4, 204-216 (in Russ.).

Kharchenko, V. K. (2021b), “N. N. Strakhov about the phenomenon of death”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 7 (1), 78-85 (in Russ.).

Kostyrko, S. (2010), *Prostodushnoe chtenie* [Simple-minded reading], Vremya, Moscow, Russia (in Russ.).

Kovalev, V. A. (2008), “Innovations in domestic politics and attempts to master them by the forces of domestic fiction”, *Polis. Political Studies*, 3, 166-173 (in Russ.).

Likhachev, D. S. (1974), “On the social responsibility of literary criticism” *Context. Literary theoretical research*, Nauka, Moscow, 6-10 (in Russ.).

Perepiska L. Tolstogo s N. N. Strakhovym (1913) [Correspondence of L. Tolstoy with N. N. Strakhov], B.M. Wolf Printing House, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Skatov, N. N. (ed.) (1998), *Russkie pisateli: XX vek: Biobibliografichesky slovar: V 2 ch.* [Russian writers of the XX century: Biobibliographical dictionary: In two parts], Prosveshchenie, Moscow, Russia (in Russ.).

Sanzharovsky, A. (2016), “Polenka”, *Pod'yom*, 8, 20-109 (in Russ.).

Shcherbinina, Yu. (2015), “Ten myths about piracy”, *Oktyabr*, 6, 162-174 (in Russ.).

Shherbinina, Yu. (2013a), “Literary Mozarts and Robertino”, *Neva*, 6, 201-213 (in Russ.).

Shherbinina, Yu. (2013b), “A writer's desk is like a gynecological chair. Literature in the mirror of perinatal metaphor”, *Neva*, 12, 193-203 (in Russ.).

Shherbinina, Yu. V. (2013c), “Offensive criticism: the experience of reflection”, *Neva*, 1, 159-172 (in Russ.).

Skulachev, V. (2009), “In search of the Fountain of Youth”, *Znanie – sila* [Knowledge is power], 12, 35-39 (in Russ.).

Strakhov, N. N. (1862), *I. S. Turgenev. Ottsy I deti* [I. S. Turgenev. Fathers and Sons], [Online],

available at: http://az.lib.ru/s/strahov_n_n/text_0050.shtml (Accessed 14 March 2022) (in Russ.).

Strakhov, N. N. (1890), *Iz istorii literaturnogo nigilizma (1861–1865)* [From the history of literary nihilism (1861–1865)], Brothers Panteleev Printing House, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Strakhov, N. N. (1869), “The content of life”, *Svetoch* [The Light], 1, II, 37-58 (in Russ.).

Strakhov, N. N. (1872), *Mir kak tseloe. Cherty iz nauki o prirode* [The world as a whole. Traits from the science of nature], Printing house of K. Zamyslovsky, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Strakhov, N. N. (1873), *Zametki o tekushey literature* [Notes on current literature] [Online], available at: <http://smalt.karelia.ru/~philologist/grazh/1873/21maiN21.khtm> (Accessed 10 March, 2022) (in Russ.).

Strakhov, N. N. (1885), *Kritichesie statyi ob I. S. Turgeneve i L. N. Tolstom* [Critical articles about I. S. Turgenev and L. N. Tolstoy], Brothers Panteleev Printing House, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Strakhov, N. N. (1888), *Zametki o Pushkine i drugikh poetakh* [Notes on Pushkin and other poets], Brothers Panteleev Printing House, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Strakhov, N. N. (1984), “The poverty of our literature”, *Literaturnaya kritika* [Literary criticism], *Sovremennik*, Moscow, Russia, 44-95, [Online], available at: http://az.lib.ru/s/strahov_n_n/text_0070.shtml (Accessed 10 March, 2022) (in Russ.).

Strakhov, N. N. (2006), “A sigh on the coffin of Karamzin. (Letter to the editorial board of “Zarya”)” *N. M. Karamzin: pro et contra: lichnost' i tvorchestvo N. M. Karamzina v otsenke russkikh pisatelej, issledovatelej: antologiya.* [N. M. Karamzin: pro et contra: personality and creativity of N. M. Karamzin in the assessment of Russian writers, researchers: anthology], Publishing House of the Russian Christian Humanitarian Academy, St. Petersburg, Russia, 377-400 (in Russ.).

Strakhov, N. N. (2010), “Historical views of Mr. Rickert and N. Ya. Danilevsky”, *Bor'ba s Zapadom* [Struggle with the West], Institute of Russian Civilization, Moscow, Russia, 480-512 (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Харченко Вера Константиновна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и русской литературы Белгородского государственного национального

исследовательского университета, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия, wera_kharchenko@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Vera K. Kharchenko, Doctor of Philology, Professor, Department of Russian Language and Russian Literature, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russia; wera_kharchenko@mail.ru